

Шажожева Наталия Анатольевна

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье автором анализируются вопросы, связанные с формированием новых социально-экономических, морально-этических концептуальных доктрин, определяющих поведение общества. Исследуются вопросы, касающиеся тенденций исламизации на Северном Кавказе в гендерном аспекте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 205-208. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 396(091)

В статье автором анализируются вопросы, связанные с формированием новых социально-экономических, морально-этических концептуальных доктрин, определяющих поведение общества. Исследуются вопросы, касающиеся тенденций исламизации на Северном Кавказе в гендерном аспекте.

Ключевые слова и фразы: северокавказский регион; общество; ислам; религиозное поведение женщин.

Наталья Анатольевна Шаожева, к.и.н.

Центр этнополитических исследований

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук

disana05@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ©

Ислам, являющийся традиционной религией коренных народов Северного Кавказа уже не одно столетие, в годы советской власти практически ушел с авансцены социальной жизни. Достаточно упомянуть, что, например, в Кабардино-Балкарии до самого начала 90-х годов XX веках, можно сказать, не функционировало ни одной мечети - по крайней мере, официально [3]. В республиках восточной части региона - к примеру, в Дагестане, исламское сообщество, как представляется, не находилось под столь жестоким прессингом государства, но и там потребности населения в обеспечении местами коллективных отправок религиозных обрядов были абсолютно не обеспечены.

Разрушение единой вертикали идеологических институтов, давшее знать о себе уже в конце 80-х годов и окончательная деидеологизация общества в 90-х привели к формированию масштабных лакун в области социально-экономических, морально-этических концептуальных доктрин, определяющих поведение общества [6].

Изначально это свободное пространство заполнялось совершенно несвойственными для Северного Кавказа учениями и религиозными системами. Особую активность проявили свидетели Иеговы, к середине 90-х имевшие в своем составе по разным подсчетам от 200 до 1000 новообращенных членов кабардинской и балкарской национальности. Можно констатировать, что в первой половине 90-х годов XX века конфессиональная карта Кабардино-Балкарии представляла собой весьма пеструю картину - причем именно в сфере духовных устремлений граждан республики.

Так, говоря о состоянии сект и религиозных течений конца 80-х - начала 90-х, мы выясняем поразительный факт. Главой баптистов КБР, вторым лицом в иерархии «Свидетелей Иеговы», вторым лицом адвентистов республики, батюшкой в крупнейшей православной церкви на протяжении 1989-1993 годов были представители коренных национальностей Кабардино-Балкарии. Более того, по свидетельству С. И. Аккиевой, проводившей в 90-х годах активную полевую исследовательскую деятельность, еще в середине указанного десятилетия, граждане КБР кабардинской и балкарской национальности не имели четких конфессиональных предпочтений, указывая в числе заслуживающих наибольшего доверия религий, даже такие экзотические для Северного Кавказа, как буддизм (почти 35% из общего количества опрошенных) [1].

Для нас особо важным при этом является то обстоятельство, что нетрадиционные религиозные учения оказались в основном непривлекательными для женской части коренного населения. Но женщины кабардинки и балкарки, перешедшие в немусульманскую веру, зачастую вступали в конфликт со своим ближайшим окружением (родители, родные братья и сестры), причем чаще всего конфликт этот заканчивался полной и демонстративной маргинализацией, прежде всего, поведенческой. Так, родители десяти наугад выбранных в данной категории баптистских семей, и принадлежащие по этнической принадлежности к коренным национальностям республики (три балкарские и семь кабардинских) в половине случаев находятся в ситуации дрящегося конфликта со своими дочерьми, три из которых ведут демонстративно свободный образ жизни.

В любом случае, доля женщин - кабардинок и балкарок в общем количестве новообращенных за 1987-1993 годы свидетелей Иеговы, адвентистов, кришнаитов, баптистов мизерна, и ни в одном случае не превышает 2%. Это, само по себе, видится очень показательным фактом и свидетельствует о том, что изначально религиозные моменты воспринимались как культурные, а любые новационные изменения отсекались гендерным сознанием, к этому времени уже взявшего на себя этнорекреационные функции.

Действенность традиционных форм этнического общепития во многом зависит от сохранности традиционных систем гендерных взаимоотношений. И где-то в середине-конце 90-х годов прошлого века соотношение мировоззренческих предпочтений в женской среде коренных этносов Кабардино-Балкарии стало резко меняться.

Обычный, существовавший всегда корпус верующих женщин был распределен, в основном, по сельским населенным пунктам, это были представительницы возрастных категорий от 50-ти лет и старше, поведенческие нормы и коммуникационный инструментарий которых никоим образом не выделял их из этнической среды. Но уже в 1997 году в старших классах школ столицы республики появились девушки - новообращенные члены мусульманской уммы.

Среди прочих факторов, благоприятствующих распространению ислама, существуют два, сыгравшие крайне важную роль в утверждении религиозных структур на территории республики. Первый - экономический. Даже, ведя разговор только лишь об одежде, мы выясняем, что стандарты религиозного исламского общежития попросту более реальны в условиях финансовой несостоятельности населения.

Во второй половине 90-х годов эта разница была еще более ощутимой, принимая же во внимание то обстоятельство, что мусульманские уммы предоставляют своим членам поддержку практически по всем видам жизненного функционирования (бесплатное, за счет добровольных и традиционных пожертвований, обеспечение едой и одеждой самых неимущих, удешевленного распределения пищевых продуктов по социализированным членам - за счет категорического неприятия исламом практики посреднических наценок и др.), важно подчеркнуть, что религиозные стандарты жизни намного более доступны в экономическом плане.

Второе - обеспечение безопасности членам мусульманской уммы. Коран в абсолютной форме запрещает насилие по отношению к единоверцам, кроме того - то, что часто проходит мимо внимания исследователей - экстраполяционный характер концепта «джихад». Упрощая, можно сказать, что джихад является формой противодействия факторам, мешающим исполнению религиозных обязанностей мусульманином. В привычном нам понимании, джихад применяется на уровне межгосударственных и межнациональных отношений. Но, как мы уже сказали, даже поверхностный анализ данного понятия и его толкований, приводит нас к выводу, что джихад неизбежно экстраполируется и на более частные ярусы социума - вплоть до личностно-индивидуального.

На практике это означает, что любая попытка неправомерного воздействия на члена мусульманской уммы, лишаящая его средств к существованию, ограничивающая его жизненные возможности, воспринимается верующим человеком как ограничение его возможностей в отправлении религиозных обязанностей. Соответственно, данная попытка вызывает резкую ответную реакцию со стороны всей уммы.

Так и только так, ибо «правильная», соответствующая установкам ислама жизнь, подразумевает, как естественную поддержку и обеспечение своих близких, так и регулярные пожертвования неимущим мусульманам вообще, и все виды неофициальных поборов - явные или скрытые (в виде противодействия бизнесу, например), оцениваются однозначно, как посягательство на те средства, которые необходимы мусульманину для исполнения своего религиозного долга [4]. Таким образом, мусульманская умма попросту ограждает своих членов от всех видов криминального давления. Можно сказать, что в 90-х годах прошлого века исламские структуры вынуждены были взять на себя часть базовых, фундаментальных функций государства, полностью или почти полностью исключившего из круга своих обязанностей безопасность и экономическое обеспечение своих граждан - особенно на Северном Кавказе.

Школы упомянутого района Нальчика в этом смысле представляли самую благоприятную среду для распространения ислама. И если в 1995 году, согласно проведенным среди старшеклассников опросам, количество верующих мусульман-юношей было пренебрежимо мало (менее 1% из числа опрошенных - двое из 256 учеников от 14-лет и старше), а количество верующих девочек стремилось к нулю (не выявлено среди 220-ти опрошенных), то уже к 1998 году ситуация изменилась.

Экспресс-опрос, проведенный в апреле 1998 года в 14-ти школах столицы республики выявил следующую картину: из общего количества респондентов (опрашивались только ученики последнего года обучения) - 200 юношей и 100 девушек - 16 учеников заявили, что совершают ежедневный пятикратный намаз, еще 11 предполагали обратиться к исламу в ближайшем обозримом будущем. Среди учениц 9 класса уже делали намаз, столько же готовились к переходу к исламским нормам жизни. В одной из школ - именно упоминавшегося района - две девушки уже носили хеджаб. Самым показательным при этом было то, что почти треть новообращенных были этническими русскими (из совершавших намаз - 5 юношей и 3 девушки).

Следует учитывать, что, как выяснилось в результате проведенных исследований, средний возраст приблизительно половины случаев обращения к вере в городе Нальчике на сегодняшний день лежит в границах от 14 до 23 лет. Причем существует небольшой возрастной разрыв - пики новообращений приходятся на категории 14-15 лет и 20-23. Это означает, что результаты экспресс-опроса (фактическое пошаговое, с коррекцией по численности, анкетирование по трем пунктам - «Ваше отношение к исламу?», «Делаете ли Вы намаз?», «Собираетесь ли Вы начать делать намаз в ближайшее время?») не полностью вскрывали картину распространения ислама среди учащихся.

Вопрос об уровне радикализации новообращенных представителей мусульманских умм 90-х годов в Кабардино-Балкарии остается открытым, так как вплоть до начала нового века никаких инцидентов на религиозной почве в республике не наблюдалось. Но уже в 2000 году было два случая вмешательства мусульман-подростков в общественные школьные мероприятия - были прерваны праздничные дискотеки. Мотивация устроенных мусульманами беспорядков была проста - массовые совместные танцы юношей и девушек, неподобающим образом одетых, были недопустимы с их точки зрения.

События 13 октября 2005 года, несмотря на огромный общественный резонанс, вызванный нападением незаконных боевых формирований на головные объекты силовых структур республики, показали, что в этот момент радикальное крыло мусульман, готовых к активному вмешательству в функционирование общества, было достаточно малочисленно. Дело в том, что к этому времени число верующих мусульман КБР приблизилось к весьма значимым показателям - по различным оценкам от 40 до 140 тысяч (мы считаем более достоверной верхнюю цифру, более того - не уверены в ее полноте). При всей закрытости следственных и судебных действий по событиям 2005 года, мы можем оценить общее количество фигурантов по этому делу - не более 300 человек, из

которых лишь около ста принимали непосредственное участие в акции. Это указывает на то, что жестко-радикальные настроения никоим образом не могут считаться в среде мусульман республики массовыми, что же касается женщин-мусульманок - среди попавших в поле зрения правоохранительных органов по данному делу встречаются только случайные фигуры. В целом необходимо отметить, что джамагаты, принявшие участие в нападении в мусульманской среде КБР находились на положении своеобразных изолянтов и не являлись органической частью исламского сообщества республики. Можно предполагать, что нашумевшие события 2005 года не были естественным для мусульманства КБР выплеском накопившихся эмоций, не отражали реальное позиционирование исламских кругов по отношению к государству.

И исходя из этого обстоятельства, мы констатируем, что события 2005 года показали, что на Кабардино-Балкарию пока что не распространили свое влияние структуры, отвечающие в общем корпусе радикал-экстремистов, работающих под прикрытием ислама, за психологическую обработку женской части верующих. Это говорит о том, что радикальные настроения вообще не проникли в среду женской части мусульманского населения республики. Опрос начала 2006 года (360 респонденток), проведенный нами среди девушек в возрасте от 16 до 25 лет, проживающих в пригородных населенных пунктах г. Нальчика выявил этот факт. Латентного сочувствия прошедшей террористической акции выявлено не было - этапная разбивка проблемы на три вопроса («Ущемляются ли в республике Ваши права как верующей?», «Знаете ли Вы о притеснениях мусульман со стороны милиции?», «Могло ли ущемление со стороны государства и действия силовых органов послужить главной причиной нападения?») дала практически отрицательный ответ в третьей части (положительно на последний вопрос ответили две респондентки - менее 0,6%).

Лояльность женского контингента мусульманок КБР определяется даже визуально - как нам кажется, степень распространения демонстративных исламских стандартов поведения может служить достаточно точным показателем. С этой точки зрения, интерес представляют численные данные по приходящим на пятничный намаз в соборную мечеть города Нальчика. Это количество колеблется (20 случаев наблюдения) от 1200 до 1600 человек, при этом ни разу количество женщин не превысило 300, из которых большая часть - люди в возрасте до тридцати лет. Следует помнить, что посещение даже религиозных публичных мероприятий в исламе не поощряется. Таким образом, посещающие пятничный намаз молодые женщины - та составляющая верующих мусульманок, которым свойственны демонстративные формы поведения, то есть наиболее радикализированные из них. По неофициальным (но вполне достоверным) данным этой группы женщин устойчивый круг мусульманок, систематически приходящих в соборную мечеть не превышает 70-80 человек, причем именно в этом слое преобладают пожилые женщины, достигшие 60-десятилетнего возраста.

Модель религиозного поведения женщин Кабардино-Балкарии уточняется данными из сельских мечетей. В кабардинских и балкарских населенных пунктах республики пятничный намаз посещается исключительно женщинами пожилого возраста, появление прихожанок до 60-ти лет - случаи крайне редкие. К тому же, буквально за последние 3-4 года возымела результат религиозно-просветительская работа, проводимая исламскими учреждениями на территории республики - нежелательность участия женщин в публичных мероприятиях, по всей видимости, доведена до сведения исламских умм, и количество женщин, посещающих пятничный намаз в сельских мечетях, резко снизилось.

Таким образом, можно сказать, что отсутствуют и факторы объективного плана, обуславливающие данную ситуацию на Северном Кавказе. Обычно к ним причисляют экономическую несостоятельность, незащищенность, отсутствие социальных перспектив - весь набор, традиционно связываемый с последствиями развала СССР и наблюдаемых реалий перехода к рыночным взаимоотношениям. Думается, что лишь человек, очень поверхностно знакомый с общими идеологическими и моральными доктринами ислама, может напрямую выводить становление институтов женского экстремизма из этого комплекса аргументации.

Ислам не предполагает поведенческих приоритетов иррационального и нецелесообразного плана [8]. Мусульманка не может жертвовать своей жизнью в случаях отсутствия прямой угрозы ей, ее религиозному «эго», жизням ее близких, единоверцев - и так далее. В целом мир верующего мусульманина полностью теоцентричен, при этом мужчина, являющийся рабом Аллаха, исполняет все серверные функции обеспечения теоцентричности, а главное предназначение женщины - репродукция.

В результате войны, как скажем, это было в Чечне, сформировалась прослойка женщин, потерявших репродуктивные перспективы. Резюмируя вышесказанное, мы утверждаем, что единственным объективным условием зарождения и развития женского исламского экстремизма является ситуация массовой изоляции верующих женщин от перспектив реализаций своих репродуктивных возможностей.

Кабардино-Балкария в этом отношении благополучна - даже не относительно. Для нас сугубую важность представляет динамика роста процентного соотношения верующих женщин по отношению к мусульманам-мужчинам.

В середине 90-х годов прошлого века в возрастных категориях до 40 лет приблизительная доля новообращенных женщин не доходила до планки в 10% (1995 год). Через два года, в 1997 году этот показатель достиг уровня 36%. В начале нового столетия количество женщин-мусульманок перевалило за половину от численности мужчин, к середине первого десятилетия XXI века вплотную подошло к 70-ти процентам от количества мужчин, сегодня женская и мужская доли в общем объеме мусульманского населения республики практически сравнялись [5].

Мы усматриваем в этом насущные проблемы государства, которое должно заинтересованно изучить тенденцию исламизации на Северном Кавказе как противоречивую данность в ее дифференцированном

восприятию [2]. Во-первых, - мы же обращаем внимание на саму динамику роста количества верующих мусульманок. Второе и главное. Определенные изменения в гендерном поведении женщин этнических сообществ Северного Кавказа привели к изменению функциональных нагрузок женщин в системах этнической идентификации. Вкупе с устойчивым религиозным позиционированием и изменением стандартов аксиологии и мотивации, смена гендерного целеполагания привела (уже сегодня) к ситуации, когда значительная масса женщин-мусульманок не ощущает своей локализации в пределах нормативно-правового и государственного пространства Российской Федерации, они лишь живут в этом ареале, используя его возможности для рекреации теперь уже не чисто этнического, а религиозно-этнического миропорядка [7].

Список литературы

1. Аккиева С. И. КБР: модель этнологического мониторинга. М.: Наука, 1998. 132 с.
2. Здравомыслова-Стоюнина Я. Общество сквозь призму гендерных представлений // Женщина. Гендер. Культура. М.: Гелиос, 1999. 198 с.
3. Информация Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарской Республики.
4. Магомедова М. З. Исламский образ жизни в сложном этноконфессиональном обществе // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала: ДНЦ РАН, 2005. 356 с.
5. Материалы полевых исследований автора, проведенного в 1996-2005 гг.
6. Поляков С., Бушков В. Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: Прогресс, 1997. 267 с.
7. Суковатая В. Феминистская теология и гендерные исследования в религии: перспективы новой духовности // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 183.
8. Чурланова П. К. К вопросу об исследовании этноконфессиональных проблем в Дагестане // Этнополитические исследования: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала: ДНЦ РАН, 2005. 356 с.

GENDER FACTOR IN CISCAUCASIA CONFESSIONAL SPACE

Nataliya Anatol'evna Shaozheva, Ph. D. in History

Centre of Ethnic-Political Researches
Kabardino-Balkaria Scientific Centre of Russian Academy of Sciences
disana05@mail.ru

In the article the author analyzes the questions connected with the formation of new social-economic, moral-ethic conceptual doctrines determining society behavior. The questions concerning Islamization tendencies in Ciscaucasia are researched in gender aspect.

Key words and phrases: Ciscaucasia; society; Islam; women's religious behavior.

УДК 141.336

Статья раскрывает специфику духовного поиска в суфизме. Основное внимание в работе автор акцентирует на трансформацию и развитие человеческой сущности в духовном поиске.

Ключевые слова и фразы: сострадание; страдание; духовный поиск; духовное напряжение; этическое просвещение.

Айбулат Римович Янгузин, д. филос. н., доцент
Кафедра философии и методологии науки
Башкирский государственный университет
nbret@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОГО ПОИСКА В СУФИЗМЕ[©]

Философия помогает человеку раскрепостить дух, сделать его свободным, снять то гигантское напряжение, которое создает сама жизнь со всеми своими невзгодами и трудностями. Человеческий дух не терпит никакой обузы. «Платон, - говорит Шеллинг, - не распинал себя, как иной современный философ, о нем можно сказать то же, что говорили об Орфее: своей музыкой он двигал скалы и укрощал дичайших чудовищ в философии» [8, с. 49-50]. Развивая эту мысль дальше, можно сказать, что все человеческие деяния, так или иначе, отягощены тем напряжением, которое нежелательно для свободного духа. Терпение человека приобретает силу, если он слепо принимает свою участь. Но чувство свободы зовет его отказаться от идеальных, чисто умозрительных схем, от вымученных мыслительных конструкций действительности. Человек,